

Иван Тургенев

**Разговор на большой
дороге**

Иван Сергеевич Тургенев

Разговор на большой дороге

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2979485

Аннотация

По своей общественно-политической направленности (тема вырождения правящего класса) «Разговор на большой дороге» особенно близок, с одной стороны, «Запискам охотника», с другой – «Нахлебнику» и «Завтраку у предводителя». Поэтому, несмотря на нападки, которым подвергся «Разговор» в печати, Тургенев включал эту сатирическую сцену во все издания своих сочинений, куда долго не вводились им другие его пьесы.

Иван Сергеевич Тургенев

Разговор на большой дороге

Сцена

(Посвящено П. М. Садовскому)

По большой ...ой дороге тащится довольно уже ветхий тарантас, запряженный тройкою загнанных лошадей. В тарантасе сидят рядом: господин лет 28-ми, Аркадий Артемьевич Михрюткин, худенький человек, с крошечным лицом, унылым красным носом и бурыми усиками, закутанный в серую поношенную шинель, – и слуга его Селивёрст (он также и земский), расплывшийся, пухлый мужчина 40 лет, рябой, с свинными глазками и желтыми волосами. На козлах сидит кучер Ефрем, бородастый, красный и курносый, одетый в тяжелый рыжий армяк и шляпу с опустившимися краями; ему тоже около 40 лет. Солнце печет; жара и духота страшная. – Едут они из уездного города и полчаса тому назад останавливались в постоялом дворике, где и Ефрем и Селивёрст оба успели немного выпить. – Г-н Михрюткин часто кашляет, – грудь у него расстроена, и вообще он вид имеет недовольный. Он говорит торопливо и смутно, словно спросонья; Ефрем выражается медленно и обдуманно. Се-

ливёрст произносит слова с трудом, словно выпирает их из желудка; он страдает одышкой.

Михрюткин (*внезапно встряхнув шинелью*). Ефрем, а Ефрем!

Ефрем (*оборачиваясь к нему вполовину*). Чего изволите?

Михрюткин. Да что, ты спишь, должно быть, на козлах-то? Как же ты не видишь, что у тебя под носом делается, а? Любезный ты мой друг.

Ефрем. А что-с?

Михрюткин. Что-с? У тебя одна пристяжная вовсе не работает. Что ж ты за кучер после этого, – а?

Ефрем. Какая пристяжная не работает?

Михрюткин. Какая... какая... Известно, какая; правая вороная. Ничего не везет – разве ты не видишь?

Ефрем. Правая?

Михрюткин. Ну, не рассуждай, пожалуйста, и не повторяй слов моих. Я этой гнусной привычки в дворовых людях терпеть не могу. Стегни-ка ее, стегни, хорошенько стегни, да вперед не давай ей дремать, да и сам тоже того... (*Ефрем с язвительной усмешкой сечет правую пристяжную.*) После этого мне остается самому на козлы сесть, – да разве это мое дело? Это твое дело. Дурак. (*Ефрем продолжает сечь пристяжную. Она брыкает.*) Ну, однако, тише! (*Помолчав.*) Экая, между прочим, жара несносная. (*Закутывается в шинель и кашляет.*)

Селивёрст (*помолчав*). Да-с... оно точно, жара. Ну, а впрочем – для уборки хлебов – оно ничего-с. О-ох, господи! (*Вздыхает и чмокает губами, как бы, собираясь дремать.*)

Михрюткин (*помолчав, Селивёрсту*). Скажи, пожалуйста, что это за толстая баба на постоялом дворе с нами рассчитывалась? Я прежде ее не видывал.

Селивёрст. А сама хозяйка. Из Белева надысь наехала.

Михрюткин. Отчего она такая толстая?

Селивёрст. А кто ж ее знает? Иного эдак вдруг разопрет, чем он в иефтом случае виноват?

Михрюткин. Она с нас дорого взяла, эта баба. Я заметил, ты никогда на постоялых дворах не торгуешься. Никогда. – Что попросят, то и даешь. Знать, она тебе поднесла, эта баба. И в городе тоже втрое заплатил.

Селивёрст. Что вы изволите говорить, Аркадий Артемьич!.. Я, кажется, не таковский человек, чтобы из каких тамнибудь угождений или видов...

Михрюткин. Ну, хорошо, хорошо...

Селивёрст. Я, Аркадий Артемьич, сызмала еще вашему батюшке покойному служил – и до сих пор служу вашей милости, то есть. И никто за мной никаких операций не замечал. Потому что я чувствую; и чтобы что-нибудь эдак против господской выгоды или вообще не по совести – честь свою замарать согласиться... да я, помилуйте – я – да и господи боже ты мой...

Михрюткин. Ну, да хорошо же...

Селивёрст. А баба эта с нас даже не дорого взяла, так ли еще берут на постоянных дворах! – Вы говорите – она мне поднесла; что ж? может быть, и поднесла. Я от своего количества не отказываюсь. Я пью, но пью умеренно, с воздержанием.

Михрюткин. Ну да говорят тебе – хорошо.

Селивёрст. Вы только напрасно меня обидеть изволили, Аркадий Артемьич, – бог с вами! (*Михрюткин молчит.*) Бог с вами совсем!

Михрюткин (*с сердцем*). Ну, да перестань же, чёрт!

Селивёрст. Слушаю-с. (*Воцаряется молчанье.*)

Михрюткин (*который напрасно старался заснуть, Ефрему*). А отчего это у тебя коренная ушами трясет – устала, что ли, она – вишь, вишь, на каждом шагу встряхивает?

Ефрем (*оборачиваясь вполовину*). Какая лошадь ухми трясет?

Михрюткин. Коренная, разве ты не видишь?

Ефрем. Коренная ухми трясет?

Михрюткин. Да-да, ушми.

Ефрем. Не знаю, отчего она ухми трясти будет. Разве от мух.

Михрюткин. От мух лошадь всей головой трясет, а не одними ухми. (*Помолчав.*) А что – ведь она, кажется, на ноги разбита?

Ефрем. Лядащая лошадь, как есть. (*Бьет ее кнутом.*)

Михрюткин. Ну, ты ее не любишь, я знаю.

Ефрем. Нет, Аркадий Артемьич, я ее люблю. (*Бьет ее.*) Я, Аркадий Артемьич, всех ваших лошадей одинаково соблюдаю, потому что это первое дело; а тот уж не кучер, который не соблюдает лошадей – тот просто легковёрный человек. Нет, я ее люблю. А только я справедлив. – Где хвалить нечего – не хвалю.

Михрюткин. Что ж ты в ней, например, находишь дурного?

Ефрем. Аркадий Артемьич, позвольте вам доложить. Лошадь лошади рознь. – Вот как между людьми, например, человек бывает натуральный, без образования, одним словом – пахондрик, так и в лошадях. Необстоятельная лошадь, Аркадий Артемьич; приятности в ней никакой нет. – Что, например, бежит она – на взволлок, что ли, по ровному ли месту, или, например, под гору спускает – ничего в ней нет, извольте сами посмотреть. (*Гнется на один бок.*) Ну что, бежит, помилуйте? Нет от нее никакого удовольствия. Просто пустая лошадь. (*Бьет ее кнутом.*)

Михрюткин. Ну, а пристяжные, по-твоему, – каковы?

Ефрем. Ну, пристяжные – ничего. Вороная, например, лошадь обходительная; божевольна маленько, пуглива – ну, и ленца есть; а только обходительная лошадь, вежливая, а уж эта вот (*указывает кнутом на левую пристяжную*), гнедая – просто без числа. – Конь добрый, степенный, ко кнуту ласков, бежит прохладно, доброхот: слуга, можно сказать, из слуг слуга. Ногами, правда, немного тронут – да ведь у нас

какая езда, Аркадий Артемьич, помилуйте. То туды, то сюды – покоя нет лошадям ни малеющего. То вы сами изволите куда, например, прокатиться, то барыня погонит в город, то приказчик поскачет. – Где ж им тут справиться? А уж я, кажется, об них, как об отцах родных, забочусь. Эх вы, котята! (*Погоняет их.*)

Михрюткин (*помолчав*). Так что ж ты думаешь насчет коренной-то – коли она так плоха?

Ефрем. Продать ее следует, Аркадий Артемьич. На что такую лошадь держать – сами вы изволите рассудить! Что дурная, что хорошая лошадь – одинаково корм едят. А то и променять ее можно.

Михрюткин. Променять! – Знаю я ваши промены! – Придашь денег пропасть, своя лошадь ни за что пойдет, а смотришь – та то еще хуже.

Ефрем. На что же так менять, Аркадий Артемьич. Эдак менять нехорошо. Надо без придачи менять – ухо на ухо.

Михрюткин. Ухо на ухо! Да где ж ты такого дурака найдешь, который бы тебе за дрянную лошадь хорошую без придачи отдал, а? Что ты, однако, за кого меня принимаешь, наконец? (*Кашляет.*)

Ефрем. Да, Аркадий Артемьич, помилуйте. Кому какая лошадь нужна: иному наша лошадь покажется, а нам – его. Вот хучь бы у соседа нашего, у Евграфа Авдеича, есть животики. Евграф-то Авдеич порастратился, так, может быть, он сгоряча согласится. А лошадка добрая, добрая лошадка. –

Он же такой человек рассеянный, вертлюшок: где ему лошадь прокормить – сам без хлеба сидит.

Михрюткин. А ты, однако, я вижу, глуп. Коли ему нечем лошадь прокормить – ну из чего, с какой стати станет он мяться, – а?

Ефрем. Ну, так купить у него можно. А он отдаст дешево. Просто, за что угодно отдаст. Лишь бы со двора долой.

Михрюткин (*помолчав*). А лошадь точно порядочная?

Ефрем. Отменная лошадь – вот изволите увидеть.

Михрюткин (*опять помолчав*). Да ты, – чёрт тебя знает, – ты всё врешь.

Ефрем. Зачем врать? Пес врет, зато он и собака.

Михрюткин (*недовольным голосом*). Ну, не рассуждай. (*Помолчав.*) И на этой еще поедем.

Ефрем. Как вашей милости угодно будет. – А только эта лошадь, воля ваша, просто никуда. Просто – вохляк.

Михрюткин. Что-о?

Ефрем. Вохляк.

Михрюткин. Сам ты вохляк.

Ефрем (*оборачиваясь вполовину*). Кто... я вохляк?

Михрюткин. Да – ты. Что ж тут удивительного! – Ты.

Ефрем (*протянув голову*). Ну... ну это вы, однако, Аркадий Артемьич, уже того... больно изволите того... (*Он чрезвычайно обижен и взволнован.*)

Михрюткин (*вспыхнув*). Что-о... Что-о?

Ефрем. Да помилуйте... как же можно...

Михрюткин. Молчать! молчать! говорю тебе – молчать! – Ах ты, армяк верблюжий! Обижаться вздумал – вишь! Да, вохляк, вохляк – еще какой вохляк. Что ж, после этого я, по-твоему, уже ничего не смею сказать? Ты мне тут, бог тебя знает, что наболтал – а я должен перед тобой безмолвствовать? – Вишь, краснобай эдакой! – Еще обижается! *(Кашляет.)* Молчать!.. *(Страшный кашель прерывает слова Михрюткина. Он вынимает из кармана бумажку, разворачивает ее, достает оттуда кусок леденца и принимается сосать его. Ефрем молча погоняет лошадей; выражение его лица достойное и строгое. Успокоившись немножко, Михрюткин напрасно силится поправить за спиной кожаную подушку и толкает под бок Селивёрста, который во все время разговора Аркадия Артемьича с Ефремом спал мертвым сном.)* Селивёрст, Селивёрст! Ну, разоспался, охреян неприличный, – Селивёрст!

Селивёрст *(просыпаясь)*. Чего прикажете?

Михрюткин. Вот то-то и есть. Не будь я так непростительно добр с вами, вы бы меня уважали!.. а то вы всякое уважение ко мне потеряли. Ну что спишь, словно не видал, как спят... Тут кучер позабылся, барина обеспокоил – а ты спишь.

Селивёрст. Я так только, немножко, Аркадий Артемьич...

Михрюткин. То-то, так. *(Утихая.)* Поправь мне подушку сзади. *(Селивёрст поправляет подушку.)* Одному я удив-

ляюсь: кажется, уж на что я снисходителен, уж на что; а никакой привязанности в вас не заслужил. Вы все меня за грош готовы продать – ей-ей! (*Едва сдерживая слезы.*) Да вот потерпите маленько; недолго мне вам надоедать. Скоро, скоро, сложу я свою головушку. (*Кланяется.*) Посмотрю я, лучше ли вам будет без меня.

Селивёрст. Аркадий Артемьич, что это вы изволите говорить? Не извольте отчаиваться! Бог милостив. И не стыдно тебе, Ефрем, азиатская ты душа...

Михрюткин (*перебивая Селивёрста*). Не об Ефреме речь. Все вы таковы. Вот, например, что я стану теперь делать? Как я жене на глаза покажусь? Последние были денежки – и те даром ухлопал. Еще хуже наделал. Уж теперь мне от опеки не отвертеться... шалишь! Уж теперь меня проберут – вот как проберут!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.